

«Зарытый в новгородский ил...»

ВЕЛИМИР (ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ) ХЛЕБНИКОВ (1885-1922)

3 марта 1929 г. Николай Заболоцкий написал такие строки:

Вижу я погост унылый
С новгородскими крестами,
Там на дне сырой могилы
Кто-то спит, шепча устами.
Кто он, жалкий, весь в коростах,
Полусъеденный, забытый,
Житель бедного погоста,
Грязным венчиком покрытый?
Почему вода целует
Его ветхие ладони?
Птица нежная тоскует
Перед ним, как на иконе?
Вкруг него толпятся ночи,
Руки бледные закинув
Вкруг него цветы бормочут
В погребальных паутинах.
Вкруг него, невидны людям,
Но нетленны, как дубы,
Возвышаются умные свидетели его жизни –
Доски Судьбы.
И все читают стройными глазами
Домыслы странного трупа,
И мир животных с небесами
Тут примирен прекрасно-глупо.
И сотни-сотни лет пройдут,
И внуки наши будут хилы,
Но и они покой найдут
На берегах такой могилы.
Так человек, отпав от века,
Зарытый в новгородский ил,
Прекрасный образ человека
Среди природы заронил!

Они были обращены к Велимиру Хлебникову – русскому поэту со странной судьбой и странным творчеством, которое до сих пор остается одним из самых непонятных и непонятых в истории русской поэзии XX века.

С новгородской землей Хлебников оказался связанным лишь последним годом своей жизни и своей смертью на ней. Однако, говоря об одной из ключевых идей Хлебникова («Прекрасный образ человека / Среди природы заронил»), Заболоцкий вспомнил именно о новгородской земле, в которую был погребен этот удивительный человек, явивший миру

свои грандиозные замыслы и проекты, которые лишь отчасти были связаны с собственно поэтическим творчеством.

Бенидикт Лившиц писал: «У нас есть Хлебников. Для нашего поколения он – то же, что Пушкин для начала XIX века, то же, что Ломоносов для восемнадцатого»¹. «Колумб новых материков»², – определял Хлебникова В.В. Маяковский. «Лобачевским слова»³ называл его Ю.Н. Тынянов. За этими определениями возникает образ поэта-новатора, художника глубоко экспериментальной складки, пролагателя новых творческих путей, оставившего после себя крайне разнообразное наследие: стихи и поэмы, драмы и прозу, «сверхповести» и теоретические работы.

Хлебников, при жизни много скитавшийся, ощущал в себе кровь путешественников, открывателей новых земель: «В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербички), особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклуха-Маклай и другие искатели земель были потомк<ами> птенцов Сечи»⁴. Однако в случае с Хлебниковым жажда открытий нашла свою реализацию не столько в географическом, сколько в творческом пространстве. Сам он отмечал: «Стихи это, своего рода, путешествие – надо побывать там, где никто не бывал»⁵.

Так же, как и символисты, Хлебников ощущал бытие глубоко одухотворенным и органично-целостным. Но в отличие от символистов, для которых тайна бытия скрывала сокровенную, непознаваемую в своей основе сущность, для Хлебникова – художника постсимволистской формации – мировая жизнь была воплощением универсальной связи всего со всем (от микромира до космоса в целом). И главное, он был непоколебимо уверен в принципиальной познаваемости этой связи. Открытию универсального закона жизни, который угадывался им в тайне времени, было посвящено все многообразное творчество Хлебникова – «поэта-теоретика»⁶.

И все же Хлебников прежде всего – поэт, и неудивительно, что его не просто художественные, но исследовательские, экспериментальные усилия раньше всего были направлены на слово. Современники так и определяли отношение Хлебникова к слову:

¹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 483.

² Маяковский В. ВВ. Хлебников // Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 23.

³ Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928. С. 21.

⁴ Хлебников В. <Автобиографическая заметка> // Хлебников Велимир. Творения / Общ. ред. и вст. ст. М.Я. Полякова. Составление, подг. текста и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М., 1987. С. 641.

⁵ Цит. по: Винокур Г.О. Хлебников <Вне времени и пространства> // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911-1998 / Составители: В.В. Иванов, З.С. Паперный, А.Е. Парнис. М., 2000. С.209.

⁶ Тынянов Ю.Н. О Хлебникове. С. 21.

«работа со словом»⁷. «Работая над словом», углубляясь в его природу, он стремился отыскать источники языковой жизни, законы организации и творческого роста языка. Язык для него был целым материком, если не космосом, который нужно было еще открыть. Слово ощущалось им живой стихией, неупорядоченной данностью, которую человеку следовало творчески освоить и преобразить: «Мое мнение о стихах, – писал Хлебников, – сводится к напоминанию о родстве стиха и стихии».⁸ Это творческое отношение художника к миру и слову у Хлебникова выражалось не столько в пафосе художнического произвола, подчиняющего природу слова своей власти, сколько в погружении и обживании «подвалов» слова, его самых дальних уголков, куда до Хлебникова практически никто не заглядывал. Особенно ярко этот принцип проявляется в его раннем творчестве. Так, например, в хрестоматийно известном стихотворении «Бобэоби пелись губы...» (<1908-1909>) Хлебников подобно художнику, работает над чьим-то портретом:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Взгляд зрителя останавливается на таких деталях портрета, как губы, взоры, брови, которые, в результате подробного рассматривания складываются в единый образ – лицо. Но Хлебников не был бы Хлебниковым, если бы дело заканчивалось лишь детальным описанием внешнего облика. Портретные черты важны для него не столько в описательном смысле, сколько в ином качестве. Он ищет им некие словесно-звуковые *соответствия*. И вот здесь-то он начинает работать совершенно новым для русской поэзии художественным методом. О.М. Брик точно заметил об этом свойстве: «Хлебников никогда не был эстетом слова. Он никогда не мыслил слова вне того предмета или факта, которые оно должно было обозначать»⁹. Но проблема для Хлебникова заключалась в том, что внешняя звуковая оболочка, фактура таких общеупотребительных слов, как *губы, брови, взоры, цепь* менее выразительны, нежели могли, да и должны, по его мнению, быть. Поэтому задача поэта – отыскать звуковой эквивалент внутреннему содержанию этих слов. И только тогда, когда внутренне содержание и внешняя оболочка слова будут вполне соответствовать друг другу, функциональное слово превращается в слово поэтическое.

⁷ Пунин Н.Н. <Хлебников и государство времени>. Подг. текста А.Е. Парниса // Мир Велимира Хлебникова. С. 161.

⁸ Хлебников В. Неизданные произведения / Под ред. Т.С. Грица и Н.И. Харджиева. М., 1940. С. 367.

⁹ Брик О.М. О Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова. С. 256.

Почему придуманное Хлебниковым слово «бобэоби» в большей степени соответствует значению *губы*, нежели само слово «губы», объяснял еще Ю.Н. Тынянов: «Переводя *лицо* в план *звуков*, Хлебников достиг замечательной конкретности:

Бобэоби пелись губы
Вээоми пелись взоры...

Губы – здесь прямо осязательны, в прямом смысле.

Здесь в чередовании *губных б*, *лабиализованных о* с нейтральными *э* и *и* – дана движущаяся реальная картина губ; здесь орган назван, вызван к языковой жизни через воспроизведение работы этого органа»¹⁰.

Чрезвычайно важно помнить, что Хлебников в конечном результате своего эксперимента стремится не к зауми как таковой, а к извлечению смысла, который, с его точки зрения, коренился в изначальной осмысленности звуков: «Корни лишь призраки, за которыми стоят струны азбуки»¹¹. И мало того, Хлебников вместе с новыми словами открывал новые реальности. В статье «Наша основа» (1919) он декларировал: «Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи»¹². Г.О. Винокур отмечал, что Хлебников создавал такой язык, «в котором звук сам по себе, буква сама по себе несла бы всю полноты смысла»¹³. «Это не бессмыслица, а новая семантическая система»¹⁴, – полагал Тынянов. В стихотворении «Бобэоби...» поэт и стремился вернуть языку самостоятельную, не зависимую от бытовой речи («самовитое слово вне быта и жизненных польз»), полноту звуковой и цветовой («бобэоби» – красный, «вээоми» – синий) жизни. Ведь словотворчество мыслилось Хлебниковым как «взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка»¹⁵.

Свою художественную задачу Хлебников определял так: «Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое – свободно плавить славянские слова»¹⁶. В стихотворении «Кузнечик» (<1908-1909>) хлебниковское словотворчество чрезвычайно органично сочетается с уже существующими диалектными словами («вера» (*обл.*) – камыш, «зинзивер» (*обл.*) – синица, камышник, камышовый воробей), которые для непосвященного выглядят и впрямь как заумь:

Крылышка золотописьмом

¹⁰ Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Книга и революция. 1923. № 4. С. 16-17.

¹¹ Хлебников В. Собрание соч.: В 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904-1916. М., 2000. С. 8.

¹² Хлебников В. Наша основа // Хлебников Велимир. Творения. С. 627.

¹³ Винокур Г.О. Хлебников <Вне времени и пространства> // Мир Велимира Хлебникова. С. 208.

¹⁴ Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928. С. 24.

¹⁵ Хлебников В. Наша основа // Хлебников Велимир. Творения. С. 624.

¹⁶ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 156.

Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, либедиво!
О, озари!

И, напротив, заумные слова («крылышка», «лебедиво») можно воспринять за неизвестные читателю диалектизмы. По выражению Р.О. Якобсона, такие слова сами подыскивают себе значение¹⁷. Очень точно это свойство хлебниковской поэтики определил современный исследователь М.В. Панов, отметивший: «У Хлебникова неологизмы выступают в облики архаизмов»¹⁸. Это высказывание вполне подтверждается стихотворением «Кузнечик», поскольку герой стихотворения «характерно двоится между энтомологией и орнитологией – то ли это насекомое, то ли птица»¹⁹. Дело в том, что слово кузнечик имеет два значения: насекомое и птица, один из видов синицы²⁰.

Русские поэты-футуристы считали, что они произвели революцию поэтической формы: перенесли акцент со «что» на «как», с содержания на форму. Хлебников же полагал, что только словотворчество и возвращает слову *смысл*. Или, как о том же писал Г.О. Винокур: «Хл<ебников> стремится к освобождению *содержания* от *формы*»²¹. Не случайно Хлебников в своих поисках был одновременно и близок, и далек остальным футуристам. С одной стороны, он наглядно демонстрировал им пути обновления поэтического слова; его дерзкие эксперименты были подхвачены Маяковским, Крученых, Асеевым и др. С другой – Хлебников был чужд урбанистическим темам кубофутуристов. Так, А. Крученых вспоминал: «Я настойчиво тянул его от сельских тем и “древлего словаря” к современности и городу. – Что же это у вас? – укорял я. – “Мамоньки, уже коровоньки ревя ревут”. Где же тут футуризм?»²².

Однако, как заметил еще Ю.Н. Тынянов, «Хлебников не коллекционер тем, задающихся ему извне <...> Метод художника, его лицо, его зрение – сами вырастают в темы»²³. Не ломка, а бережное выращивание языка по тем законам, которые в нем уже существуют, – вот, по Хлебникову, задача художника. В 1921 году он писал об этой органике, «биологичности» языка: «Стихи должны строиться по законам Дарвина»²⁴. И, исследуя слово как самостоятельную силу, составляющую часть природы, организующую

¹⁷ Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия // Мир Велимира Хлебникова. С. 76.

¹⁸ Панов М.В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова. С. 329

¹⁹ Скуратовский В.Л. Хлебников-культуролог // Мир Велимира Хлебникова. С. 467.

²⁰ Хлебников В. Собрание соч.: В 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904-1916. М., 2000. С. 464.

²¹ Винокур Г.О. Хлебников <Вне времени и пространства> // Мир Велимира Хлебникова. С. 208.

²² Крученых А. О Велимире Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова. С. 130.

²³ Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928. С. 22.

²⁴ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 270.

материал чувств и мыслей, Хлебников с неизбежностью погружался не только в глубины слова, но и в прошлое человечества, по своим корням близкое природной жизни.

В таких стихотворениях, как «Гонимый – кем, почему я знаю?» (<1912>), «В лесу. Словарь цветов» (<1913>), в поэмах «Вила и Леший», «Сельская дружба», «Лесная дева» воссоздается сама природно-языческая среда, в которой существовал архаический человек, отождествлявший слова, создаваемые им впервые, с окружающими его предметами. В поэме «И и Э. Повесть каменного века» поэт изображает драму становления не только социально-общественных отношений, но и самого языка. Н.Н. Пунин очень точно отметил эту особенность: «Хлебников прежде всего поэт, поэт чудесный, вскормленный гораздо более глубокими традициями, чем русский (пушкинский) классицизм. <...> он дошел в работе над языком до dna русско-славянской традиции и, как поэт (речетворец), творец слов, глубже идти не мог: глубже не шло русское слово; несмотря на то, что он, Хлебников, был одним из наиболее древних людей нашего времени, вспоминая куски мира из времени до стоянок и царств»²⁵.

Прежде всего, именно здесь, в архаической тематике, экспериментальные поиски Хлебникова смыкались с тем заумным словотворчеством, которое было всегда присуще народным заговорам и заклинаниям. Поэтому его русалки из стихотворения «Ночь в Галиции» «держат в руке учебник Сахарова и поют по нему»:

Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац.

Хлебников был уверен: «умершие слова» должны были вновь «заиграть жизнью, как в первые дни творения».²⁶ Говоря это, поэт исходил из представлений о том, что древнему человеку было присуще образное восприятие мира, в котором соотносятся звук и предмет, и которое лишь в слабом, замутненном виде проступает в современных «умных» языках и более отчетливо прослеживается в заговорах, заклинаниях и других способах магического использования языка. Он полагал, что «язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки научимся читать его»²⁷.

Маяковский, внимательно наблюдавший за словотворческими опытами автора «Смехачей», заметил: «Хлебников создал целую “периодическую систему слова”. Беря слово с неразвитыми, неведомыми формами, сопоставляя его со словом развитым, он доказывал

²⁵ Пунин Н.Н. <Хлебников и государство времени> / Мир Велимира Хлебникова. С. 161.

²⁶ Хлебников В. Наша основа // Хлебников Велимир. Творения. С. 627.

²⁷ Там же. С. 625.

необходимость и неизбежность появления новых слов»²⁸. Так, в стихотворении «Усадьба ночью, чингисхань!» (<1915>) представлен способ образования глаголов из собственных имен существительных («чингисхань», «заратустрь», «моцарть»), который был использован также и Маяковским в поэме «Облако в штанах»: «Видите – / небо опять иудит / пригоршню обрызганных предательством звезд». В этом смысле оказался прав Мандельштам, утверждавший: «Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский требник-образник, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень». Однако предпринятое Хлебниковым «разрушение» традиционной поэтической образности, классического поэтического слова было лишь одним из частных следствий его мировоззрения.

Словотворческие эксперименты Хлебникова очень высоко оценили поэты-современники. Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие»²⁹. Маяковский подчеркивал: «Хлебников – не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителя»³⁰. Однако хлебниковские изыскания в области «корнесловия» были лишь конкретным поисками пути, который должен был привести его к решению универсальных задач, одной из которых была задача создания «звездного языка». В «Свояси» (1919) Хлебников писал, что хочет «найти единство вообще мировых языков» и проложить «путь к мировому заумному языку»³¹. Это был утопическая идея создания универсальной грамматики и на его основе – универсального языка.

Хлебников был убежден в несовершенстве существовавшего практического языка, его коммуникативной функции: «Жалкий означающий лай, символический вой человек нашего времени будет заменен символической музыкой в времени горного человека. Подспорьем ему будет письменный язык всех народов»³². Он стремился отыскать «путь к мировому заумному языку», который иначе называл «звездным языком». «Звездный язык», по мысли Хлебникова, – это мировой язык будущего, призванный отражать смыслы самими своими звуками.

С одной стороны, «звездный язык» для Хлебникова – это язык, лишь смутно осознаваемый человеком при «солнечном свете» разума и проявляющийся яснее в «звездных

²⁸ Маяковский В. В.В. Хлебников // Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 25.

²⁹ Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.

³⁰ Маяковский В. В.В. Хлебников // Полное собр. соч.: В 13 тт. Т. 12. М., 1959. С. 23.

³¹ Хлебников В. Собрание соч.: В 6 т. Т. 1. С. 8.

³² Цит. по: Перцова Н.Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. С. 363.

сумерках» непосредственного эмоционального восприятия. С другой – это язык, «общий всей звезде, населенной людьми»³³.

В основу общечеловеческого языка необходимо было положить законы, – по словам Хлебникова, – «странную мудрость», – которые составляли тайну роста и развития языка. Общечеловеческий язык, с точки зрения Хлебникова, должен стать «новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода»³⁴. Потому что в основе всех языков лежит единый праязык. Вот к нему-то, вглубь истории языка и стремился поэт: от конкретных национальных языков к его праславянской ветви, далее – к индоевропейскому языку-основе, и далее – к единому «звездному языку». В статье «Наша основа» Хлебников писал: «Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы “азбучных истин”, и тогда для звуко-веществ может быть построено что-то вроде закона Менделеева или закона Мозелея – последней вершины химической мысли»³⁵.

В статье «О “звездном языке” Велимира Хлебникова» современная исследовательница Н.Н. Перцова выявила, что в 1904-начале 1907 годов Хлебников искал принципы искусственных международных языков. Эти поиски отражены в хлебниковской рукописи «Значковый язык»³⁶. В 1907-1908 годах он стремился найти основу для международного языка и в музыке. Р.О. Якобсон в свою очередь вспоминал о том, что Хлебников показывал ему рукопись, где цветными карандашами были нарисованы различные сигналы – «Опыты цветной речи»³⁷. По-видимому, именно неудовлетворительные результаты его опытов по созданию искусственных языков толкают Хлебникова к мощной словотворческой деятельности на базе изучения славянских языков.

Мысль о «возрождении» всеславянского языка возникла у Хлебникова еще в студенческие годы. В 1908-1913 годах Хлебников изучает славянские языки; ранние произведения поэта густо насыщены славянскими мифологическими образами и мотивами, славянизмами, неологизмами – производными от славянских корней. Поэт призывает «заглядывать в словари славян, черногорцев и др., – собирание русского зыка не окончено – и выбирать многие прекрасные слова, именно те, которые прекрасны»³⁸. «Одна из тайн творчества, – подчеркивал Хлебников, – видеть перед собой тот народ, для которого пишешь, и находить словам место на осях жизни этого народа»³⁹.

³³ Там же. С. 359-360.

³⁴ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 216-217.

³⁵ Хлебников В. Наша основа // Хлебников Велимир. Творения. С. 624.

³⁶ Перцова Н.Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова.

³⁷ Якобсон Р.О. Из воспоминаний // Мир Велимира Хлебникова. С. 84.

³⁸ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 298.

³⁹ Там же. С. 298.

Основная смысловая нагрузка в «звездном языке», по Хлебникову, падает на согласные звуки: «Каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя»⁴⁰. Образ согласной «Эль» описывается им в стихотворении «Слово о Эль». В нем Хлебников стремится отыскать некий общий собирательный смысл для частных значений слов, начинающихся на «л» – «эль» (лямка, лавина, ласты и др.). Приходя к выводу о том, что этот смысл сокрыт в спектре значений, разнообразно связанных с понятием «плоскость», в финале стихотворения поэт стремится дать звуку «Эль» пространственно-геометрическое определение:

Эль – путь точки с высоты,
Остановленный широкой
Плоскостью.
<...>
Если шириною площади остановлена точка – это Эль.
Сила движения, уменьшенная
Площадью приложения, – это Эль.
Таков силовой прибор,
Скрытый за Эль.

С подобными этим хлебниковскими положениями в какой-то степени был согласен и Мандельштам, отмечавший: «Поэтическую речь живет блуждающий, многосмысленный корень. Множитель корня – согласный звук, показатель его живучести <...>. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные – семя и залог потомства языка». В «сверхповести» Хлебникова «Зангези» (1920-1922) одноименный герой произносит: «Речи – здания из глыб пространства. <...> Слова нет, есть движения в пространстве и его части – точек, площадей. <...> Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучок лучей прочь из точки и в нее – вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык – и вы увидите пространство и его шкуру»⁴¹. Хлебников дробил язык в поисках «ключей к пониманию слов»; ключей, которыми было бы возможно отомкнуть некую универсальную языковую структуру:

Лети, созвездье человечье,
Все дальше, далее в простор,
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.
(«Ладомир»)

Г.О. Винокур заметил, что Хлебников поспешил попытаться реализовать мечту в самом своем творчестве – «он стал творить уже на этом мечтаемом, а для него самого – чуть ли не вполне реальном языке. Он уже в нашем языке хотел видеть свой мечтаемый всечеловеческий и всевременный язык – вот почему Хлебников труден для понимания»⁴².

⁴⁰ Хлебников В. Наша основа // Хлебников Велимир. Творения. С. 629.

⁴¹ Хлебников В. Зангези // Хлебников Велимир. Творения. С. 481.

⁴² Винокур Г.О. Хлебников <Вне времени и пространства> // Мир Велимира Хлебникова. С. 209.

Возникла драматическая для самого Хлебникова ситуация, когда аналитическими средствами проникновения в язык, разлагая его до первоначального строительного материала, он стремился выстроить новый синтетический, универсальный язык, невзирая на особенности отдельных национальных языков, и который был бы пригоден для практического общения всего человечества.

При этом он наткнулся на непреодолимый предел: средствами «скорнения», «внутреннего склонения слова», методом создания только новых слов оказалось невозможно создать художественный образ, к которому был бы эстетически восприимчив читатель. В идее создания «звездного языка» мыслитель в Хлебникове возобладал над поэтом.

Главная тема собственно философских размышлений и исследований Хлебникова – *время*: «Пространство завоевано, и трава пространств завянет, – писал он. – Право имени перейдет на творческий бой за время»⁴³. Хлебников называл себя «времяпашцем», «времямазом», «королем времени»: «таким я уйду в века – открывшим законы времени»⁴⁴.

Война с Японией, поражение русского флота при Цусиме, русская революция 1905 года — эти исторические события пробудили в Хлебникове не только художественное творчество, но и тягу отгадать загадку времени. В последнем прижизненном издании – «Досках судеб» (1922) он писал: «Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы. Когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда в селе Бурмакине, у Кузнецова, я хотел найти оправдание смертям»⁴⁵. Вопреки традиции «оправдание смертям» искалось не столько в системе координат этики, сколько математики, как это видно, например, в стихотворении «Числа» (<1912>):

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змеобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его – единица.

Он стремится отыскать математические закономерности историческим событиям. Но при этом в размышлениях Хлебникова время имеет не только и не столько исторический характер. Пастернак, ощущавший сверхисторический, космический характер хлебниковских размышлений о времени, в «Охранной грамоте» писал: «Был, правда, Хлебников с его тонкой подлинностью. Но часть его заслуг и донныне для меня недоступна, потому что поэзия

⁴³ Хлебников В. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 132.

⁴⁴ Хлебников В. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 152.

⁴⁵ Хлебников В. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 218.

моего понимания все же протекает в истории и в сотрудничестве с действительностью жизнью»⁴⁶.

Дело в том, что мир понимался Хлебниковым как универсальное сверхисторическое по своей природе единство. И в этом единстве историческое развитие (так же, как и жизнь языка, проистекающая во времени) представлялись ему частным выражением общего ритма, пульса бытия («трепета вселенной»). Эта ритмическая основа космического мироустройства проявляется в природе, так же, как и в истории: «свод истин о числе и свод истин о природе один и тот же»⁴⁷. Хлебников, по замечанию современного исследователя В.Л. Скуратовского, остро ощущал «колоссальные временные накопления космоса»⁴⁸, и был уверен, что «законы вселенной и законы счета совпадают»; что «чистые законы времени делают равноправными гражданами одних и тех же уравнений и жизнь земной коры и сдвиги строения человеческого общества»⁴⁹. Поэтому из размышлений Хлебникова следовало, что ритм истории поддавался математическому исчислению.

В мае 1914 года Хлебников пишет Василию Каменскому: «У меня собрано несколько намеков на общий закон. (Например, связь чувств с солнцестоянием летним и зимним.)»⁵⁰. «Задача измерений судеб, – провозглашает Хлебников в 1916 году, – совпадает с задачей искусно накинуть петлю на толстую ногу рока»⁵¹.

Математическое описание истории впервые было представлено Хлебниковым в работе «Учитель и ученик»: «Я не смотрел на жизнь отдельных людей; но хотел издали, как гряды облаков, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность... Я искал правила, которому подчиняются народные судьбы»⁵². Здесь же была предсказана гибель Российского государства в 1917 году: «... в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?»⁵³

В «Досках судеб» Хлебников приводит закономерности движения и противодвижения человеческих волн («вековой поединок Востока и Запада»). Об этом же и в воззвании к человечеству «Всем! Всем! Всем!» (1920-1921): «Дар права всем государствам земного шара (все равны – нет любимцев и пасынков) быть разбитыми через 3ⁿ дней после своей победы. Равным образом подыматься и с пением лететь кверху через <2ⁿ> дней после падения и

⁴⁶ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. С. 220.

⁴⁷ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. С. 147.

⁴⁸ Скуратовский В.Л. Хлебников-культуролог // Мир Велимира Хлебникова. С. 482.

⁴⁹ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. С. 139.

⁵⁰ Хлебников В. Неизданные произведения / Под ред. Т.С. Грица и Н.И. Харджиева. М., 1940. С. 369.

⁵¹ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. С. 144.

⁵² Хлебников В. Творения. С. 587.

⁵³ Хлебников В. Творения. С. 589.

слома крыл о камни рока. Падать в пропасть через 3ⁿ дней после стояния на горе»⁵⁴. В письме к П.В. Митуричу от 14 марта 1922 года о том же: «Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3ⁿ дней и положительный через 2ⁿ дней; события, дух времени становится обратным через 3ⁿ дней и усиливает свои числа через 2ⁿ; между 22 декабря 1905, московским восстанием, и 13 марта 1917 прошло 2¹² дней; между завоеванием Сибири 1581 г. и отпором России 1905 25 февраля при Мукдене прошло 3¹⁰ + 3¹⁰ дней. Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством»⁵⁵.

В стихотворении «Перуну» (<1913>) низвержение Перуна, то есть факт крещения Руси, был осознан таким историческим действием, противодействием которому стало поражение при Цусиме:

Над тобой носились беркута,
Порой садясь на бога грудь,
Когда миял ты, рея, омута,
На рыбы наводя поселки жуть.
Бог, водами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусимы
Роду низвергших тя людей?

История в хлебниковском понимании есть раскачивание на весах действия и противодействия; распря Востока и Запада («желтой и белой силы»), которая закончится только тогда, когда эти силы будут объединены в мировой унии. Сознвая свое наследование от символистов функции поэта-пророка, Хлебников, однако, о своих цифровых исчислениях сказал, что «они дают предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчета»⁵⁶. У Хлебникова возникало ощущение, что, овладевая законами времени, он овладевал миром. Не случайно в стихотворении «Ты же, чей разум стекал...» он уверенно восклицал:

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!
<...>
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

Но с чувством ликования к Хлебникову одновременно приходит и сомнение в том, будет ли нужен миру (человечеству) его бесценный дар. В 1921 году Хлебников с иронической горечью пишет художнику В.Д. Ермилову: «...открыл основной закон времени

⁵⁴ Хлебников В. Творения. С. 635.

⁵⁵ Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 213.

<...> Если люди не захотят научиться моему искусству предвидеть будущее <...>, я буду обучать ему лошадей. Может быть, государство лошадей окажется более способными учениками, чем государство людей»⁵⁷.

В целом же можно сказать, что в отношении к идее времени Хлебников поступал практически так же, как и в отношении к слову: он «стремится раздробить мировой процесс на его мельчайшие неделимые. А затем приступить к созданию из них новых, доселе невиданных в истории культурных форм и конфигураций»⁵⁸.

Если русско-японская война пробудила хлебниковское чувство времени, то первая мировая война до предела обострила его. И хотя современники отмечали, что «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или “Слово о полку Игореве”»⁵⁹ (О.Э. Мандельштам), – стихотворения, написанные после 1914 года, доказывают обратное. Война внесла в творчество Хлебникова современную тему, а революция существенно переориентировала ее.

На глазах Хлебникова история из абстрактно-математической величины становилась бесчеловечной «соломорезкой», превращавшей «сынов в обрубки». Ритм, ощущавшийся поэтом как животворная основа мирового движения в целом, как пульс вселенной, теперь оборачивался уничтожающим мертвенно-механическим ритмом войны. А эпоха, в которой юноши стали «дешевле земли...», окончательно освобождалась от гуманистических иллюзий и демонстрировала свою звериную, «волчью» природу.

Призыв Хлебникова на военную службу в апреле 1916 года послужил поводом для написания стихотворения «Печальная новость 8 апр. 1916» (<1917>). Однако смысл его шире конкретного биографического факта. В центре стихотворения – судьба того, кто «вскормлен лучшими зорями России», кто «повит лучшими свистами птиц», и теперь вынужден взять «большое и глупое ружье», чтобы «устроить из черепа брызги». Боровшийся с человеческим видом ради слияния с человеческим родом, бившийся с раздробленностью и враждой мирового существования, Хлебников в лице мировой войны столкнулся с такой исторической необходимостью, которая не растворяла личность в общемировом сообществе, а физически уничтожала ее.

Из математических расчетов истории Хлебникова выпадала ее человеческая, гуманистическая составляющая. Война с безмерно щедрой жестокостью демонстрировала

⁵⁶ Хлебников Велимир. Собрание произведений. Т. V. Л., 1933. С. 152.

⁵⁷ Хлебников В. Неизданные произведения. С. 385.

⁵⁸ Скуратовский В.Л. Хлебников-культуролог // Мир Велимира Хлебникова. С. 483.

⁵⁹ Мандельштам О. Слово и культура. С. 211.

изнаночную сторону этой составляющей, где человек оказывался не творцом, а материалом истории, «пушечным мясом». Война поглощала человеческое мясо, невзирая на масштабы и заслуги каждого отдельно взятой человеческой личности, полностью обезличивая его, стирая в нем и родовые, и видовые, и индивидуальные отличия. Война была пережита Хлебниковым как катастрофа именно потому, что была воспринята им не с планетарной точки зрения, а с позиции сугубо земной, человеческой жизни. Эта точка зрения демонстрировала, что выплунутый войной «сыновий обрубок» для каждой матери оставался, несмотря ни на что, любимым и единственным.

Уничтожающей воле войны Хлебников мог противопоставить лишь утопическую мечту о «государстве 22-летних», где будут осуществлены его основные проекты («звездный язык» и овладение временем). И главная надежда Хлебникова была на революцию, которая, казалось, сможет осуществить его утопию. Поэтому в стихотворении «Свобода приходит нагая...» (<1917>) в свободной поступи революции Хлебников вновь слышит тот ритм, который улавливал в своем довоенном творчестве как основополагающее начало бытия, и с которым всем своим существом теперь вновь совпадает герой стихотворения:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.

Послереволюционное творчество Хлебникова противоречиво и двойственно. С одной стороны, он переживает ощущение сбывающейся мечты об освобождении человека, освобождении мира, освобождении времени. Поэма «Ладомир» (1920-1921) – риторически описательная по своей интонации – великое ликование оттого, что мечта сбывается:

И, похоронив времен останки,
Свободу пей из звездного стакана,
Чтоб громыхал по солнечной болванке
Соборный молот великана.
Ты прикрепил к созвездью парус,
Чтобы сильнее и мятежнее
Земля неслась в надмирный ярус
И птица звезд осталась прежнею.

С другой стороны, конкретные обстоятельства пореволюционной эпохи, отраженные в стихах 1920-1922 годов, заставляют вспомнить вроде бы уже преодоленные образы «эпохи с ободранной кожей» периода первой мировой войны. Так, в стихотворении «В море мора! В море мора!» Хлебников создает картину, где центральным образом становятся «горы трупов по утрам», оставляемые после ночной работы чекистами:

В море мора! В море мора!
Точно чайка!
Чрезвычайка
То в подвале, в чердаке то,
То в гостиной, то в халупе

Заковала, заковала
Большевицких
Горы трупов.

Голод в Поволжье в 1921 году вызвал у Хлебникова потрясающее по своей скорбной насыщенности стихотворение «Волга! Волга!» (<октябрь-ноябрь 1921>), в котором создан образ Волги-матери, пожирающей своих детей и бросающей их дровами в «печь времени». Наблюдая вблизи за ненасытной эпохой, то и дело требующей кровавых жертв, Хлебников начинает сомневаться в том, что революционная свобода достигнута:

Нет. Веревкою серой обмотана
Свобода висит на Кремле.
(«Я вспомнил года, когда...»)

А Москва – столица революционной свободы – вновь предстает в своем неразгаданном облике, под которым поэт угадывает мировую заговорщицу, не столько кующую свободу, сколько закованную:

Москва, ты кто?
Чаруешь или зачарована?
Куешь свободу
Иль закована?
Чело какою думой морщится?
Ты – мировая заговорщица.
(«Москва, ты кто?..»)

Очарованный странник, мечтатель, «опьяненный собой» («Здесь я бродил очарованный...», <1922>) герой Хлебникова, не сумев встретить понимания ни в лице эпохи, ни в лице близких друзей, переживает драму одиночества и отчужденности. Этому настроению способствовала и история с пропажей, как считали сам Хлебников и П. Митурич, хлебниковских рукописей, которые первоначально хранились у Маяковского, и которые затем были переданы им Р.О. Якобсону для публикации.

В стихотворении «Одинокий лицедей» (конец 1921-начало 1922) под мифологическим сюжетом об Ариадне, Тезее и Минотавре угадывается остро драматическая судьба самого поэта, свершившего подвиг, достигшего победы над временем-Минотавром и в результате обнаружившего, что подвиг никем не замечен, и, более того, – никому не нужен:

И с ужасом
Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

В стихотворении «Вши тупо молились мне...» Хлебников восклицал:

Мой белый божественный мозг
Я отдал Россия, тебе.

Но в ответ на этот жертвенный акт он получал лишь непонимание:

Разбейся, разбейся
Мой мозг о громады народного «нет».
(«Шествие осеней Пятигорска», 1921)

Драму одиночества герой, ощущающий свою «неотмирность» («Я ведь такой же, сорвался я с облака»), стремится преодолеть близостью с другой человеческой душой, способной откликнуться на его человеческую нежность («Детуся! Если устали глаза быть широкими...», 1921). Хлебников – эпик по своей поэтической природе, искавший законов объединения человечества, в результате своих поисков, приходит к лирике, где ценностью остается индивидуальная и неповторимая личность (См., например, пронзительно лирическое стихотворение «В этот день голубых медведей»).

Утопические мечты о «государстве 22-летних», в котором будет преодолена вражда («Люди! Утопим вражду / В солнечном свете!»), сталкиваясь с исторической реальностью, уступали место реальности распри не только между народами, но и между близкими друг другу людьми.

В мае 1922 г., Петр Митурич – известный художник, человек, горячо и преданно любивший Хлебникова, увозит его из Москвы в деревню Санталово Новгородской губернии Крестецкого уезда. Митурич считал, что в деревне будет менее голодно, а кроме того, Хлебников оправится от болезни в деревне.

Одно из последних стихотворений Хлебников написал. по-видимому, перед самым отъездом из Москвы в Санталово. В основу стихотворения были положены мотивы жизнеописания новгородского юродивого Михаила Клопского:

– Святче божий!
Старец, бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая.
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
«Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!»

– Старче божий!
Зачем идешь?
И какого ты роду-племени,
И откуда – ты?
– Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет,
Только три мужика в черном поле!
Да тьма воронов.
Вот пастух с бичом,
В узлах чертики –
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

Со дня отъезда до дня смерти Митурич делал записи в своем Дневнике 1922 года.
Приведем их:

«14.V. Отбыли из Москвы в деревню. В полночь заняли место в товарном вагоне и строили нары. Дождь. Холодно. Велимир ежился в своем тулупе и дремал, полулежа на нарах. Раздражали его вновь приходящие пассажиры, требовавшие себе места, неохотно уступал напору. Все время идет дождь.

15.V. Прибыли на ст. Борвенку Н.Ж.Д. в 4 часа. За 8 аршин сатина наняли подводу в Тимофеево. Велимир почти весь путь до второй деревни ехал. Делали привал и ночевали. Дорога весьма трудная, испортившаяся от продолжительного дождя.

16.V. Продолжали путь. Велимир много шел пешком, т.к. лошадь едва тащила наши пожитки. Днем прибыли в Тимофеево к Федору Салынскому, где отдыхали. Там встретился Канаев И.М. Короткая беседа о времени. В.В. чувствовал себя веселее. Солнце. Свежий ветер. Наняли новую подводу до Санталова. Велимир почти половину пути ехал на двуколке на вещах, сам правя, но неудачно. Очень часто наезжал на камни и попадал в ямы, так что, наконец, упал с двуколки. Пришлось взять вожжи мне и все время поддерживать двуколку в опасные моменты. К вечеру прибыли в Санталово. Весь путь в 37 верст от Борвенки очень труден.

16.V. Знакомство с обитателями школы. Переодеваемся, отдыхаем, едим, устраиваем Хлебникову комнату. В.В. вечером трясло и знобило. Принимал хину. День солнечный. Прохладный.

17.V. В.В. был в лесу с Васей, собирал грибы, клюкву в болоте и муравьев в бутылку. Работал. Озноба не было. День солнечный. Раскладывал свои рукописи на лежанке и приводил их в порядок. Ненужное бросал в печку: Я уничтожаю черновые варианты -. Воспоминания Васи 8-ми лет (он говорил на деревенском диалекте): Один раз к нам приехал Хлебников. Вот мы пошли гулять в лес так за сморчками. Тогда была еще весна. Вот мы идем к озерку за сморчками. Я иду вперед, а он сзади. Я иду, вбок не гляжу. Вот идем, идем,

а Хлебников и говорит: Разве ты парнишка, что ты не видишь грибы? - Я обернулся назад, а там в ломеце сморчки. Я взял и сорвал, положил в свою шапку. Потом я стал по бокам глядеть. Потом мы пошли в другое болото. Там на горочке солнце припекало. Хлебников взял и рубашку снял, и штаны снял, а подштанники оставил. Вот мы и стали искать сморчки, а Хлебников мне и говорит: Ты иди на тот край, а я на этот -. Вот я и пошел на тот край. Я шнырю - нету, хоть бы один нашел, вот я и побежал опять туда. А там-то их много. Я обрадовался да и давай рвать.

18.V. Пил муравьиный спирт, который сам выжимал (с моей помощью). Выпил полстакана. Лихорадка не возвращалась. Работал у себя. День солнечный. - Мы поедем на юг - там много птиц, будете наблюдать -. Мы лежали на траве, дети бегали обнаженные. О Маше: ангельчик.

19.V. Лихорадка не появлялась. Много работал. Гулял. Хорошо все дни ел. Утром наблюдал танцы дикарей - детей, которые под стук деревянной палки о доску, подвешенную на шее, танцевали боевые танцы индейцев.

20.V. Заметная слабость в ногах. Непрочно на них держался. Пил черничный отвар.

22.V. Велимир держится на ногах еще хуже. Работал за столом.

23.V. Слабость в ногах еще сильнее. Боли нет. На предложение лечь в постель отказался. После обеда пошли на речку. Тепло. Солнечно. Велимир шел, опираясь на мои плечи. Сел на берегу на овчину. Я ему изготовил удочку (удочка прекрасная), накопал червей. Велимир увлекся удачным ловом и считал пойманных рыб (56 штук). Ловил выдержанно и ловко. Перестало ловиться, решил перейти на другой омут. Я ему сделал палку для опоры. С ее помощью он прошел по крутому косокуру. На мои вопросы, что он сам думает о своем здоровье, ничего определенного не ответил. Машка заметила: Хлебик больная.

24.V. После обеда вместе с Фопкой носили его на руках в баню. Парил его горячо. После бани крепко заснул. Ночью спал.

25.V. Принял глауберовой соли - действия не оказала. За доктором послать не нашли подводу.

26.V. Ездил Иван Иванович Иванов в Крестцы за медиком. Врачи и фельдшер отказались ехать - не их участок. Много спал, состояние апатичное, дремал. Просил согреть ноги. Клади бутылки с горячей водой, обернутые бельем. Выразил желание побывать в Астрахани: Повидать родных, что они делают.

27.V. По просьбе больного парили ноги в кадке с заваром сена. Везти в больницу никто не соглашается (запоздалый сев мешает). Ноги пухнут. Велимир пьет все больше. К вечеру чувствует себя очень плохо. Федор Васильев обещал завтра утром ехать в больницу. На

вопрос мой, сообщить ли родным о его болезни, ответил: Родным хорошо сообщать о здоровье. А кроме того, это очень далеко.

28.V. Воскресенье. Солнечно. Велимира одели, положили на сено на подводу. Медленно двигались в Крестцы. Не хотели принимать в больницу - клинический больной, но после моего объяснения положили. Осмотр отложили на завтра - больному нужен отдых после пути. Велимир очень ослаб за дорогу. Спал. Приходили женщины, милосердия ради подавали больным масло и яйца. Велимир с удовольствием принял дар.

29.V. Осмотр Велимира врачом. (Женщина-врач Бассон.) Велимир рассказал, что он спал на земле, что у него лихорадка персидская. Врачиха предположила, что через неделю больной оправится от простуды, тогда можно будет начать курс лечения. Теперь нужно прочистить желудок. Пришел фельдшер Мухин. Велимиру стало лучше. Он заснул. Дождь.

30.V. Велимиру лучше. Температура спадает. Пришла Н.К. (Наталия Константиновна) с провизией. Просил у нее квасу и киселя. Н.К. искала в городе квас, но не нашла. Н.К. достала резиновый круг и положила на него Велимира. Прибыл новый больной, ревматик-столяр, которого положили рядом. Веселый человек, много шутивший, неожиданно засыпающий и продолжающий бормотать в бреду и так же неожиданно просыпающийся.

31.V. Хлебникову лучше. Температура спадает. Условились с сиделками и фельдшером Мухиным относительно ухода. Сиделкам обещали доставлять хлеб и, кроме того, плату; фельдшеру - плату, какую он назначит. Мною решено сообщить о болезни Велимира в Москву и Питер, чтобы там позаботились о месте в клинике и собрали нужные средства на лечение, а через неделю уже двинуться самим. Сообщить Маяковскому и Крученыху Велимир отклонил. Городецкому? - тоже. Пунину, Андриевскому? - никому не надо. Я настаивал на том, чтобы сообщить Пунину и Андриевскому. - Пишите, но только чтобы требования были возможно скромнее -. - Сколько, вы полагаете, нужно денег? - 150-200, если все платить -. Просил его самого написать кому-либо с указанием на то, что я беспомощен. Велимир написал записку знакомому врачу в Москву приблизительно такого содержания: Обращаюсь к Вам за медицинским советом. Я попал на дачу...прошел 40 верст, спал на земле и потом лишился ног. Меня положили в Коростецкую больницу. Желал бы лечиться в Москве, как это сделать? - Адрес он мне сказал. Курил реже. Неохотно менял положение. Пил по-прежнему много. Ноги опухли еще больше. Лицо осунулось. Ушли в Санталово. Непрерывный дождь.

1.VI. Пишу письмо в Москву Городецкому и Андриевскому и в Питер Пунину и вместе посылаю письмо Велимира доктору. Продолжительный дождь.

2.VI. Навещал Хлебникова Фед. Вас., отвозя свояченицу в больницу.

4.VI. Отбыла Оля с письмами и Федосья.

5.VI. Я в Крестцах. Здоровье Велимира ухудшилось. Температура 39,9. Большая перемена в выражении лица. Состояние душевное мрачное. Ест плохо. Пьет еще больше. Меняли матрац. Велимира посадили на табурет. Он прочно сидел, держась обеими руками, и очень долго не хотел ложиться. - У меня еще много времени, мне некуда торопиться.

6.VI. Виктору Владимировичу еще хуже. Жар сильный. Пролежни. Сажал его на кровати, подставив за спину табурет. Каждое движение неприятно. Велимир за все время болезни ни разу не сказал - больно - говорил - неприятно.

7.VI. Санталово. Оля и Фопка вернулись со станции. Кассир не дал билетов по тем документам, которые у них были. Письмо послала только в Петербург Пунину. Московские оставила на станции вместе с вещами. 70-верстовым переходом натерла ноги. Готовлю новые письма в Москву.

8.VI. Прибыл милиционер арестовать меня по предписанию Уезда. Арест отменен.

9.VI. Здоровье Велимира очень плохо. Развивается гангрена. Состояние душевное беспокойное.

10.VI. Руками владеет хуже. Движения еще более затруднены. Приподнял повязку: Гангрена -. Всякое движение настолько болезненно, что глаза у Виктора Владимировича вылезали из орбит, выражая ужас, но он не кричал и только дыханием произносил: ой, ой, ой -. - Я путаю бред с явью...- Врач говорит, что дальше держать больного в больнице бесполезно. Сиделка и дворник отказываются хорошо, как это нужно, за ним ухаживать.

11.VI. Посланы провизия и питье Велимиру с Федором Васильевичем. Велимир просил крестьянина везти его в Москву и на Кавказ. - Жалко беднягу, на чужой стороне умирать приходится.

12.VI. Хлебников переведен в отдельную палату с отдельным входом.

13.VI. Навещала дочь О.К., приносила еду и цветов.

15.VI. Рана на бедре глубокая. - Больше я никогда не поеду на север...

16.VI. Душевное состояние спокойнее. - Врач только появляется на пороге и удаляется...- Указывая на пятна штукатурки: Прекрасные рисунки...крыса - Городецкий, петух...- - Я поеду в Санталово, там будет любовный уход...- - Положить меня нужно в бане на две скрещенные доски.

20.VI. Письмо и квитанция от Пунина.

22.VI. Я сказал, что завтра приедет Федор Вас. и свезет его в Санталово. Ел очень мало. Язык черный, вспух.

23.VI. Приехала подвода. Я обмыл раны чистой водой и тряпкой. Одели рубашку, жилет, пиджак, шапку, положили на стол и стали заворачивать ноги. Завернули в одеяло и понесли на носилках. Палки носилок привязали крепко веревкой к кузову подводы, под голову

положили подушку, накрыли его тулупчиком и тихо двинулись в путь. Ехали медленно и осторожно. При каждом толчке Велимир тихо стонал. Изредка открывал лицо и из-под тулупа щурясь озирался. К вечеру прибыли в Санталово. Вся деревня сбегалась смотреть. Многолюдный говор тревожил Велимира. Я пригласил молодцов помочь осторожно снять Хлебникова и перенести в баню, где мною было сколочено ложе из 11 поперечных досок и двух продольных, а женщинами приготовлены два матраца. На окне стоял желтый кувшин с цветами.

24.VI. Пил рано утром молоко. Очень ослабел, но пил из чайника сам. Я получил от Пунина письмо, катетер, лекарства и показываю: Что пишет? - Пишет, что в Петербурге весь литературный мир относится сочувственно, есть деньги на лечение и место в больнице.- Значит, можно ехать!..-

25.VI. Вася принес васильки и поставил отдельно рядом с букетом. - В цветах вижу знакомые лица...- - Я знал, что у меня выдержит дольше всего голова и сердце...- Ночью прилетала ворона и стучала в окно. Я отогнал ее.

26.VI. Опухоль шеи. Речь непонятная. Левая рука перестала двигаться, правая непрерывно трепетала.

27.VI. Утром на вопрос Федосьи, трудно ли ему? - ответил: Да -. Сделал глоток воды и вскоре потерял сознание. На зов мой не отвечал и на касание не реагировал никак. Напряжение в дыхании заметно ослабевало. Правая рука трепетала. Я делал портрет.

28.VI. Велимир ушел с земли в 9 часов 28 июня 1922 года в деревне Санталово Новгородской губернии Крестецкого уезда. Обнажили Велимира обмыть, посадили на ложе. Федосья мыла: Ну, ты, не пугай меня ночами!..- Одели и понесли в школу. Сделал портрет с мертвого...

29.VI. Похоронили Велимира на погосте в Ручьях в левом углу кладбища у ограды параллельно задней стене между елью и сосной. Отвозил Федор Васильев. Дождь шел».

А.А. Бруни-Соколова вспоминала, как слухи о болезни и смерти Хлебникова доходили до Петрограда: «До нас доходили слухи о болезни Хлебникова, о необыкновенной приверженной любви к нему Митурича... Вот рассказ о нем Наташи Митурич, ухаживавшей за ним в его последней болезни. Наташа была тогда сельской учительницей в Новгородской губернии. Митурич привез Хлебникова к ней почти умирающим. «Я тогда согласилась принять его, — говорила Наташа, — потому что я на все бы согласилась, о чем бы ни попросил меня Митурич, — так я его любила... Митурич привез его со станции на простой телеге, шаг за шагом, чтобы как можно слабей была тряска. В ту пору все пути сообщения были так трудны, и станция так далеко от нас. Митурич все время боялся, как бы Хлебников не умер дорогой... однако он прожил у нас еще долго. В конце концов все же пришлось перевезти его в больницу... Умер он тихо, без жалоб, без ропота».

За всю мою жизнь, длящуюся уже три четверти века, я не встречала ничего более трагического, чем эта смерть, и вообще чем весь образ «горящего» Хлебникова... Мир праху твоему, мир и твоему духу, сгоревший в пламени своего гения и все же горящий в свете своего творчества, дорогой Виктор Хлебников!»⁶⁰

⁶⁰ *Бруни-Соколова А.А.* Воспоминания / Публ. А. Парниса // Литературное обозрение. 1985. N 12. С 99.